

ИЗ ИСТОРИИ
ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКОЙ ОККАЗИОНАЛЬНОЙ ЛЕКСИКИ
КОНЦА XVII в.

Церковнославянский язык 2-ой половины XVII в. характеризуется существенным расширением лексического фонда. Большая часть церковнославянских новообразований, вышедших из-под пера московских книжников того времени, не получила широкого распространения, оставшись в стенах их переводческих «лабораторий», неся на себе печать их творческих индивидуальностей и корпоративной ориентации. Введение в церковнославянские тексты лексических инноваций было плодом интенсивной сознательной филологической работы, нередко выражающейся в специальных этимологических изысканиях, целью которых, как правило, было повышение смыслового статуса предлагаемой лексической замены. Яркие примеры такого рода штудий можно найти в «...правилах на ѿмѣны речѣни стаго сѣмвѣла» Епифания Славинецкого, в трактате Евфимия Чудовского «*Ѡ исправленіи в' прежде печатанныхъ книгахъ минѣахъ...*». Многие из предлагаемых новообразований представляли собой кальки греческих эквивалентов. Ср., например, *взмѣ* 'Вознесение' (хрононим) (*Ἀνάληψις*); *в'прѣтолѣти* 'возводить на трон, престол' (*ἐνθρονίζεῖν*); *демоноговѣнство* 'суеверие' (*δεισιδαιμονία*); *ланѣтство* 'пощечина' (*ῥάπισμα*); *чюждострадати* 'удивляться' (*ξενοπαθεῖν*); *оужрѣтовати(са)* 'распять(ся)' (*σταυροῦν*)¹. Окказиональный характер этой лексики и относительно позднее время ее появления, по-видимому, стали причиной ее слабой представленности в соответствующих лексикографических трудах. Между тем, подобное словоупотребление, на наш взгляд, отражает определенные процессы, происходящие в церковнославянском языке позднего периода, что делает необходимым внимательное изучение этого лексического пласта.

В рукописях, хранящихся в Синодальном собрании ГИМа (далее Синод.) и атрибутированных А. Горским и К. Невоструевым иноку Московского Чудовского монастыря Евфимию (? — 1705)², обнаруживаются любопытные хрононимы, входящие в узкую семантическую группу названий дней недели, — *гѣдница* (*господница*), *гѣдскій днь* (*господский день*) 'воскресенье' (Синод. 571, л. 58; Синод. 596, л. 41 об; Синод. 433, л. 51 об; Синод. 715 л. 17); *сѣвата, савѣтъ* 'суббота' (Синод. 433, лл. 26, 41 об, 42, 56, 104 об, 105; Синод. 124, л. 43; Синод. 391, л. 19; Синод. 596, л. 40 об; Синод. 473, лл. 24 об, 25, 26); *параскевѣ* 'пятница' (Синод. 124, л. 139; Синод. 433, л. 25 об.; Синод. 473, л. 26); *тетрадѣ* 'среда' (Синод. 124, л. 139). Анализу этих лексем и посвящена настоящая заметка.

В литературе, изучающей славянскую систему счета дней, неоднократно обсуждался вопрос о соотношении так называемых

«славянской» и «церковной» недель³. Представление о славянской неделе, отличной от церковной, основывается, прежде всего, на анализе внутренней формы славянских названий дней недели. Так, наличие слов *вторник*, *четверг*, *пятница* позволяет предполагать, что исчисление дней недели у славян начиналось с понедельника. В этом контексте *среда* (т. е. «срединный» → 4-ый день) воспринималась как след заимствованной, «церковной» недели. Б. А. Успенский прямо указывает на контаминацию автохтонного и заимствованного счета времени у славян, на существование «народной» и «церковной» недель (1-ая начинается с понедельника, 2-ая — с воскресенья), причем церковная литургическая неделя соответствует греческому, латинскому и еврейскому счету времени⁴.

С. М. Толстая в статье «К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели» указывает на наличие в самой церковной литургической практике двойной системы счета дней: проспективной и ретроспективной. Проспективная система ориентирована на следующее за неделей воскресенье и, таким образом, начинает неделю с понедельника (подобный счет характерен для недель троицкого и великопостного циклов; ср. Вербная неделя → Вербное воскресенье). Ретроспективный счет дней начинает неделю с воскресенья и называет или нумерует ее по этому предшествующему воскресенью (что характерно для недель пасхального круга; ср. Светлое воскресенье → Светлая неделя). Таким образом, указывает С. М. Толстая, «наличие двух параллельных способов счета дней недели характерно уже для самого церковного календаря и потому не может служить основанием для противопоставления церковной и народной недели (по крайней мере для православной традиции)»⁵.

Можно полагать, что причину, побудившую Евфимия предложить ряд лексических инноваций, следует искать не в стремлении ликвидировать противопоставленность «автохтонной народной» и «заимствованной церковной» систем названий (и счета) дней недели, которой, как мы видим, в православной традиции не было, а в специфике его языковых установок. Языковые взгляды Евфимия Чудовского, известного справщика конца XVII в., определяет его ярко выраженная восточная (грекофильская) культурная ориентация. Будучи грекофилом, он по своим взглядам был близок таким церковнославянским писателям и религиозным деятелям, как Елифаний Славинецкий, Софроний и Иоанникий Лихуды, Афанасий Холмогорский, Иов Новгородский, иеродиакон Дамаскин, Ф. П. Поликарпов и др.

Для языка грекофилов (или «еллино-славянского стиля» в терминологии В. В. Виноградова) был характерен и имел основное организующее значение прием морфологического, синтаксического, семантического и фразеологического отражения греческого языка. Данный прием обычно называется принципом пословного перевода. Этому принципу вполне соответствует приведенные выше *г^сдница*,

ε̅δскій д̅нь 'воскресенье', которые представляют собой кальку греческого хрононима Κυριακή (ἡμέρα). Причем любопытно, что и в том и в другом случае морфологическая оформленность церковнославянской инновации отражает попытку более полной передачи грамматических характеристик греческого эквивалента (в первом случае — *господница* — сохраняется родовая принадлежность слова, во втором — *господский день* — фразеологическая оформленность)⁶.

Обратимся теперь к другим хрононимам, предложенным Евфимием: *саввата*, *савватъ*, *параскеви*, *тетрадѣи*, которые, безусловно, следует оценивать как прямую транслитерацию греч. Σάββατο[ν] 'суббота', Παρασκευή 'пятница', Τετράρθη 'среда'.

Относительно произведенной Евфимием замены ц.-слав. *сѣббѣта* на *саввата*, *савватъ* мы можем заметить следующее. В рукописи ГИМа (Синод. 473) «Православное исповѣданіе вѣры» (1695 г.) на л. 24 об. предисловия рукой Евфимия сделана такая запись: «Саввата ѣбѣ (а не сѣббѣта) толкъется воспокоеніе или престатіе ѿ дѣла. . . Сѣббѣта же. . . пишемо или читаемо не токмо не право, но и велми грѣбѣ и варварско» есть, и ни единого толкованіе има^т. Очевидно, что в данном случае автор прямо возводит предлагаемые им лексемы к др.-евр. *šabbāt* при др.-евр. глаголе *šbt*, непосредственно означающем 'покоиться, останавливаться' (ср. «воспокоеніе или престатіе ѿ дѣла» у Евфимия). Апелляция к древнееврейскому языку отчасти поддержана контекстуальным распределением вариантов *саввата*—*савватъ*. Последний обычно выступает в характерном ветхозаветном контексте — при изложении 10 заповедей Божиих (ср.: ц.-слав.: «Помни дѣнь сѣббѣтнѣй. . .» (Исх. 20:8); в переводе Евфимия: «Помни дѣнь савватъ. . .» (Синод. 596, л. 40 об., Синод. 433, л. 26 об.). Примечательно, что лексические варианты *саввата*—*савватъ* как бы соответствуют двум разным языковым моделям — древнегреческой и древнееврейской (в последнем случае в греческой огласовке). Приведенный пример свидетельствует о некотором знакомстве инок Евфимия с древнееврейским языком, что не отмечалось исследователями.

Таким образом, создание нового слова у церковнославянского писателя продиктовано стремлением наиболее полно отразить с е м а н т и к у переводимого слова и, насколько это возможно, сохранить его морфологические характеристики. Принцип пословного перевода, о котором мы говорили выше, (особенно в системе языковой практики русских книжников конца XVII в.) должен быть понят значительно шире. Для пословного перевода помимо полноты лексической передачи источника и особенного внимания к словоупотреблению оригинала, была характерна лексико-синтаксическая и семантическая с и н о н и м и я т е к с т о в⁷. Именно последнему требованию отвечает появление слов *тетрадѣи* 'среда' и *параскеви* 'пятница' в языке Евфимия Чудовского. В уже упоминавшейся рукописи «Православное исповѣданіе вѣры» на л. 26 имеется следующий текст: «Ѡ днѣхъ седмици. Числи^тса днѣи седмица сіце. Пѣрвыи

днѣ кѣриаки, сѣрѣчь гѣдскій, илѣ гѣдница, рѣкше нѣла. Вторѣй днѣ понѣльникъ. Трѣтѣй днѣ вторникъ зовемѣй. Четвертѣй средѣ, зѣ ѣже среди седмици вѣчиненѣ. Пятѣй днѣ четвертокъ зовемѣй. Шестѣй днѣ параскевѣ иже нарѣднѣ (ѣ неискѣства) зоветсѣ патѣкъ: нѣ нѣ ѣсть патѣкъ, нѣ бѣ пятѣй днѣ седмици, нѣ шестѣй». Примечательно, что в приведенном тексте Евфимий дважды употребил причастие *зовемѣй* применительно к словам *вторникъ* и *четвергъ* (*четвертокъ*) (*зовемѣй* в ц.-слав. 'так называемый'), передавая тем самым чужую речь и чуждую ему точку зрения. Ср. в этом же тексте развернутую ссылку на «народную» речь (. . . иже нарѣднѣ (ѣ неискѣства) зоветсѣ патѣкъ)⁸; таким образом, текст внутренне глубоко полемичен. Автор обращает внимание читателей на отсутствие параллелизма между значением слова и местом этого слова в иерархии названий дней недели, т. е. апеллирует к внутренней форме самой лексемы. Очевидно, что приведенные выше рассуждения подчинены своей особой, внутренней логике, понятие которую, на наш взгляд, можно только в фокусе сопоставления церковнославянских и греческих названий дней недели.

На основании анализа семантики греческих названий дней недели, можно полагать, что греческий счет дней начинался с воскресенья и заканчивался, соответственно, субботой. Ср.: *Δευτέρα* 'понедельник' (*δεύτερος* 'второй, следующий'), *Τρίτη* 'вторник' (*τρίτος* 'третий'), *Τετάρτη* (= *Τετάρτη*) 'среда' (эп. *τέτατος* (*τετάρτος*) 'четвертый'), *Πέμπτη* 'четверг' (*πέμπτος* 'пятый'). Таким образом, из семи дней греческой недели внутренняя форма четырех дней отражает определенное порядковое числительное, а три — *Κυριακή*, *Παρασκευή*, *Σάββατον* — не отвечают этой семантико-словообразовательной модели.

Вернемся к исследуемому нами пассажи инок Евфимия. Будучи ориентированным на греческие семантико-словообразовательные модели, Евфимий обратил внимание на тот факт, что ц.-слав. *пѣтница* (*пѣтѣкъ*) вступает в противоречие с внутренней формой греч. *Παρασκευή* 'пятница' букв.: 'приготовление, подготовка', в то время как ц.-слав. *вторникъ*, *четвергъ* (*четвертокъ*), *понеѣльникъ* отражают греческий номинационный принцип (в ц.-слав. *понеѣльникъ* безусловно присутствует идея последовательности, счета, т. е. 'следующий за неделей, второй по отношению к неделе' (неделя зд. 'воскресенье'), что позволяет Евфимию соотнести его с греч. *Δευτέρα* при *δεύτερος* 'второй, следующий'. Замена ц.-слав. *срѣда* на *тетрѣдѣ*, отмеченное в языке Евфимия один раз (Синод. 124, л. 139), имеет аналогичный характер. Семантика церковнославянского слова 'срединный, центральный день недели' вступила в некоторое противоречие со значением греческого эквивалента — 'четвертый', что и вызвало необходимость замены.

Таким образом, создавая новые хрононимы, Евфимий Чудовский ориентируется непосредственно на греческую систему счета дней. Изменениям подвергаются только те слова,

семантика которых так или иначе расходится с семантикой греческих эквивалентов. Прием создания хрононимов-оказионализмов носит неоднородный характер. В одном случае происходит простой перевод греческого слова на ц.-слав. (ε^οδский *днь*, ε^οдница ← Κυριακή (ἡμέρα), в другом — транслитерация греческих названий (*параскеви* ← Παρασκευή, *тетрадѣи* ← Τετράδη), в третьем — транслитерация греческого слова сопровождается апелляцией к семантике лексического первоисточника (*саввата*, *савватъ* ← Σάββατον — šabbāt).

Приведенный материал может, на наш взгляд, служить еще одним свидетельством того, что пополнение фонда церковнославянской лексики в языковой практике московских книжников в последней четверти XVII в., группирующихся вокруг Епифания Славинецкого и братьев Лихудов, происходит под прямым влиянием греческого языка. Подобное влияние затрагивало не только лексический, но и другие уровни книжного языка, формировало языковые концепции книжников-грекофилов.

Примечания

- ¹ О слове *оуѣр^ствовати* и его дериватах, впервые введенных в ц.-слав. Епифанием Славинецким, а впоследствии активно используемых Евфимием Чудовским, см.: *Страхова О. В.* К вопросу о греческой филологической традиции в восточно-славянской книжной среде (Страничка из истории церковнославянского языка конца XVII—начала XVIII в.) — Советское славяноведение, 1986, № 4, 66—75.
- ² Подробнее о нем см.: *Брайловский С.* Отношение Чудовского инока Евфимия к Симеону Полоцкому и Сильвестру Медведеву (Страничка из истории просвещения в XVII ст.). — РФВ, 22, IV, 1889, 263—290; *Он же.* Очерки из истории просвещения в Московской Руси в XVII веке. — Чтения в Обществе любителей духовного просвещения. М., 1890, № 3, отд. I, 425—450; № 9, отд. I, 361—405; *Флоровский А.* Чудовской инок Евфимий. Один из последних поборников «греческого учения» в Москве в конце XVII в. — Slavica, роѣн. 19, 1949, seš. 1—2, 100—152.
- ³ См.: *Matuszewski I.* Słowiański tydzień. Geneza, struktura i nomenklatura. Łódź, 1978; *Успенский Б. А.* К символике времени у славян: «чистые» и «нечистые» дни недели. — В кн.: Finitis duodecim lustris. Сборник статей к 60-летию Ю. М. Лотмана. Таллин, 1982.
- ⁴ *Успенский Б. А.* Указ. соч. 70—75.
- ⁵ *Толстая С. М.* К соотношению христианского и народного календаря у славян: счет и оценка дней недели. — В кн.: Языки культуры и проблемы их переводимости. М., 1987, 154—168.
- ⁶ Следует указать на факт возможной преемственности принципов переводческой деятельности Евфимия по отношению к практике ранних славянских переводов. Речь идет не столько о стремлении передать структуру греческого текста (что вытекает из особых представлений о языке, общих для всех средневековых книжников: языковая структура воспринималась как отображение действительности), сколько о сохранении некоторых переводческих приемов, в частности, приема «двойного перевода», по которому одно и то же слово переводилось подряд дважды, причем первое слово перевода должно было точно передать структуру слова, а второе — его смысл. Так, например, в «Житии Иоанна Златоуста» Георгия Александрийского встречаются следующие переводы греческих слов: φύσις 'природа' — «родъ і ествоство», δύναμις зд. 'значение, смысл' — «сила і розоумъ». Эти и другие подобные примеры см.: *Hansack E.* Die Vita des Iohannes Chrysosto-

